

Для цитирования: Кушнерук, С. Л. Современные концепции исследования ментальных миров в отечественной и зарубежной лингвистике / С. Л. Кушнерук // Русская речевая культура и текст: материалы IX Международной научной конференции (15–16 апреля 2016 г.). – Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2016. – С. 55–59.

С. Л. Кушнерук

Челябинский государственный педагогический университет

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНТАЛЬНЫХ МИРОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

С развитием когнитивной лингвистики изучение ментальных миров приобретает все большую популярность в зарубежной и отечественной науке (А. П. Бабушкин, П. Верт, Д. Гевинс, Л. И. Ермоленкина, Е. С. Кубрякова, Д. Лакофф, Л. Н. Лунькова, М. В. Никитин, З. И. Резанова, П. Стоквелл, Е. Семино, Ю. С. Степанов, Ж. Фоконье, У. Эко, К. Эммот и др.). Несмотря на разницу в исследовательских традициях, ученых объединяет тенденция к выявлению связей между идеальными структурами мысли и материальными структурами языка, которые их объективируют. Понятие ментального мира и его разработка согласуется с пониманием того, что реальность не дается человеку объективно, но конструируется сознанием, которое создает ментальные репрезентации с разной степенью автономности от мира действительного, или вещного.

Ментальный мир единообразно воспринимается зарубежными специалистами как некая модель в сознании человека, характеризующаяся присущими только ей закономерностями. Понятие в первую очередь ассоциируется с теорией ментальных пространств Ж. Фоконье, согласно которому язык не передает значение, а направляет его построение: языковые выражения играют роль инструкций, по которым реципиент конструирует смысл. То, что происходит «за кадром», формирует когнитивный фон взаимодействия и называется ментальным пространством [1]. основополагающая идея ученого, получившая развитие в трудах последователей, заключается в том, что связь между языком и миром опосредована человеческим мышлением, и то, что именуется «действительностью», является мысленным представлением говорящих о ней.

Ментальный мир принципиально отличается от понятия возможного мира, введенного Г. Лейбницем и ставшего узловым в логической семантике. Для логики, имеющей дело не с событиями, а с высказываниями о них, возможный мир – это «множество предложений, описывающее все факты онтологически возможного мира» [2, с. 253]. Понятие *возможный мир*, употребляясь во многих философских контекстах, главным образом используется в сугубо формальном смысле, – в абстракции от конкретных различий в значениях между языковыми выражениями. Справедливо, что применительно к ментально-языковым процессам, присутствующим в любом типе коммуникации, понятие должно рассматриваться как содержательное и удовлетворять требованиям, которые имеют место при порождении и

Для цитирования: Кушнерук, С. Л. Современные концепции исследования ментальных миров в отечественной и зарубежной лингвистике / С. Л. Кушнерук // Русская речевая культура и текст: материалы IX Международной научной конференции (15–16 апреля 2016 г.). – Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2016. – С. 55–59.

интерпретации текстов: а) возможный мир рассматривается как возможное положение дел, выраженное некоторым множеством релевантных высказываний; б) возможный мир состоит из множества возможных индивидов (объектов), наделенных свойствами; в) возможный мир есть также и возможный ход событий; г) возможный мир – это мир воображаемый, желаемый, чаемый, искомый [3, с. 375].

Удачным примером изучения возможных миров как мыслимых, но не отражающих реальное положение дел конструкторов в отечественной лингвистике, является монография А. П. Бабушкина. Существование «возможных миров» в виде отдельных, самобытных сущностей – лишь иллюзия, они не «сотканы» из какой-нибудь «неоматерии», а формируются с помощью специализированных для этой цели языковых знаков [4, с. 81]. Несомненным достижением ученого можно считать создание типологии возможных миров. В зависимости от того, как описывающие их выражения соотносятся с реальной действительностью, в рамках целостной иерархической системы выделяются максимально приближенный мир, потенциальный мир, мир сомнений, догадок и гипотетических допущений, мир возможных альтернатив, мир предписываемых действий.

Исследование А. П. Бабушкина дает важнейший вывод, снимающий ограничение Ю. С. Степанова о том, что проблема «возможных миров» является уделом логики и логиков. Понятие возможных миров ставится на службу лингвистической науке. Семантика возможных миров в аспекте лингвистического исследования понимается как ментальный мир, материализованный в языковом знаке. Ментальные миры принципиально отличаются от возможных тем, что являются концептуальными по своей природе: «Ментальные пространства не имеют какого-либо онтологического статуса вне ума человека и, как следствие, не играют никакой роли в объективистской семантике... Вследствие своего чисто когнитивного статуса, ментальные пространства беспрепятственно функционируют в семантике, основанной на внутреннем или экспериенциальном реализме» [5, с. 367].

Оценивая высокий объяснительный потенциал теории Ж.Фоконье, зарубежные специалисты небезосновательно критикуют его концепцию, указывая на то, что автор радикальным образом не отходит от традиции приводить в качестве примеров отдельно взятые предложения, которые оказываются неудовлетворительными для описания дискурса, в обязательном порядке включающего многообразные социокультурные, психологические, исторические и другие контекстуальные характеристики. Расширение предметной сферы лингвистических исследований, связанное со стремлением учитывать многообразные контекстуальные факторы, предопределяет появление работ, формирующих область *лингвистического миромоделирования* как когнитивно-дискурсивного направления, методология которого параллельно развивается в научных практиках когнитивистов многих

Для цитирования: Кушнерук, С. Л. Современные концепции исследования ментальных миров в отечественной и зарубежной лингвистике / С. Л. Кушнерук // Русская речевая культура и текст: материалы IX Международной научной конференции (15–16 апреля 2016 г.). – Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2016. – С. 55–59.

стран [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12]. Теория миромоделирования воспринимается в тесной ассоциативной близости с концепцией текстовых миров, имеющей преемников, главным образом, среди европейских лингвистов. Исследовательское поле задает общая проблематика, которую можно охарактеризовать как свойство дискурса порождать ментальные миры в сознании дискурсантов с целью установки ценностных ориентиров и регуляции поведения. Отстаивается идея о том, что ментальные миры, воплощенные языковыми формами, являются моделями дискурсного понимания, которые претерпевают постоянные изменения в ходе коммуникации.

Радикальный сдвиг в научной парадигме, связанный с отходом от объективистских принципов, признание субъективного фактора в познавательной деятельности человека, роли креативных способностей сознания, дает импульс многочисленным исследованиям ментальных миров, объективируемых в дискурсе, под которым понимается форма использования языка в реальном времени, отражающая определенный тип социальной активности человека, создаваемая в целях конструирования особого мира с помощью детального языкового описания и являющаяся частью процесса коммуникации, характеризуемого участниками, условиями ее осуществления и целями [13, с. 525].

Попытки описать мир дискурса или его фрагменты по языковым данным предпринимают как зарубежные, так и российские исследователи. Категориальный аппарат когнитивной лингвистики пополняется терминами, включающими представления о некотором ментальном пространстве, объективируемом в дискурсе, – «возможный мир» (А. П. Бабушкин), «текстовый мир», «дискурсивный мир» (П. Верт, Е. Семино, Д. Гевинс), «текстуальный мир» (Р. де Богранд), «ментальный мир» (Ю. С. Степанов), «мир дискурса» (Е. С. Кубрякова, Г. Н. Манаенко), «мир текста» (А. А. Залевская, Г. Н. Манаенко), «спроецированный мир» (Р. Джакендофф), «текстовое пространство» (Л. Н. Лунькова), «пространство текста» (Ю. М. Лотман), «дискурсивная картина мира» (З. И. Резанова). Приведенные термины, очевидно, не являются совпадающими, существенно отличаясь по содержанию. Широкая вариативность, как представляется, объясняется большим интересом ученых к явлениям ментальной природы, воплощенных языковыми средствами, и отсутствием единого понятийно-терминологического аппарата, призванного внести точность. Вместе с тем их объединяет представление о том, что в процессе понимания дискурса человек создает некую ментальную модель, т. е. некоторое знание в памяти, структура которого соответствует структуре репрезентируемой ситуации, и от которой зависит его интерпретация.

Наиболее последовательной выглядит теория текстовых миров [11], предлагающая исследовательский инструментарий для изучения дискурса в перспективе объективируемых ментальных репрезентаций. В процессе совместной языковой деятельности продуцент и

Для цитирования: Кушнерук, С. Л. Современные концепции исследования ментальных миров в отечественной и зарубежной лингвистике / С. Л. Кушнерук // Русская речевая культура и текст: материалы IX Международной научной конференции (15–16 апреля 2016 г.). – Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2016. – С. 55–59.

реципиент выстраивают *миры*, – осознаваемые ментальные образования, воспроизводящие реальность человеческого представления через образы предметов и явлений при порождении и понимании речи. «Мир» иерархичен по структуре. Его высший уровень представлен дискурсивным миром, в котором есть участники, «различные аспекты перцепции ими непосредственной ситуации и общие предпосылки» [14, с. 23]. Участники далее создают «мир второго уровня» – текстовый. Оба являются ментальными конструктами, поскольку формируют концептуальные репрезентации отдельных сторон действительности. Если *дискурсивный мир* – это контекст ситуации вокруг речевого события, то *текстовый мир* мыслится как концептуальный сценарий, представляющий существующее положение дел [11]. П. Верт предполагает, что информация, представленная в текстовом мире, конфигурируется на основе четырех ключевых параметров: место, время, действующие лица и объекты, которые называются конструктивными элементами текстуального уровня. Отклонение от любого из базовых параметров ведет к созданию производного текстового мира, или субмира (*subworld* в терминологии П. Верта).

Текстовый мир, объединяющий значительно больше смыслов, чем выражено поверхностными структурами, заполняется фреймами, – когнитивными структурами, организованными в соответствии с действующими в конкретном лингвокультурном сообществе правилами поведения. Подчеркивается, что в действие приводятся только те фреймы, которые имеют непосредственное отношение к предъявляемому содержанию. Процесс, посредством которого сортируются и «запускаются» необходимые области знания, обозначается *принципом текстовой обусловленности* [11, с. 22].

Исследователи ментальных миров обращаются к сложной полифонии знаний, накопленных гуманитарными дисциплинами. Действительность проецируется в семантику языка, значение языкового знака считается артефактом сознания, отражающим не реальность, а концептуальную структуру, возникающую у человека. Стержнем, вокруг которого создается некоторое единство научных взглядов, становится проблема соотношения языковых единиц и ментальных структур, отвечающих за организацию человеческого опыта, что согласуется с холистическим взглядом на природу сложнейшего коммуникативного явления, которым является дискурс. В его разработках на современном этапе развития когнитивной лингвистики зарубежные специалисты следуют определенным теоретическим и методологическим принципам, которые, вместе взятые, образуют некоторую исходную систему предпосылочных знаний для развития идей лингвистического миромоделирования.

Объединяющим звеном работ, затрагивающих проблемы миромоделирования в России и за рубежом, являются рассуждения о том, что языковой код, используемый в целях коммуникации, «запускает» ментальные репрезентации разной степени сложности, которые

Для цитирования: Кушнерук, С. Л. Современные концепции исследования ментальных миров в отечественной и зарубежной лингвистике / С. Л. Кушнерук // Русская речевая культура и текст: материалы IX Международной научной конференции (15–16 апреля 2016 г.). – Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2016. – С. 55–59.

представляют тот иной фрагмент дискурса. Со стороны адресата переработка информации, заложенной в дискурсе, основана как на использовании текстовых форм, доступных восприятию, так и на привлечении большого объема фоновых знаний, обусловленных совокупной структурой деятельности, в которую вовлечен человек, будучи представителем определенной лингвокультуры. Дискурс, увиденный в ракурсе миромоделирования, может претендовать на место одного из плодотворных направлений когнитивного анализа, результаты которого способны привести к новым интерпретациям дискуссионных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fauconnier, G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 240 p.
2. Сидоренко, Е. А. *Логика. Парадоксы. Возможные миры: Размышления о мышлении в девяти очерках*. М.: Едиториал УРСС, 2010. 312 с.
3. Эко, У. *Роль читателя. Исследования по семиотике текста*. СПб.: «Симпозиум», 2007. 502 с.
4. Бабушкин, А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. 86 с.
5. Лакофф, Дж. *Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Книга 1: Разум вне машины*. М.: Гнозис, 2011. 512 с.
6. Gavins, J. *The Text World Theory: An Introduction*. Edinburgh University Press, 2007. 193 p.
7. Hidalgo Downing, L. *Negation, Text Worlds, and Discourse: the Pragmatics of Fiction*. Stamford, CA: Ablex Publishing Corporation. 2000. 225 p.
8. Pitkanen, K. K. *The Role of Concept-Derivable Knowledge in Constructing Space-Related Textual Meaning // GAGL*. 2001. Vol. 44. pp. 148–158.
9. Semino, E. *Language and World Creation in Poems and Other Texts*. Longman: London and New York, 1997. 273 p.
10. Stockwell, P. *Cognitive Poetics: An Introduction*. London: Routledge, 2002. 193 p.
11. Werth, P. *Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse*. London: Longman, 1999. 390 p.
12. *Картины русского мира: современный медиадискурс*. Томск: ИД СК-С, 2011. 288 с.
13. Кубрякова, Е. С. *Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. М., 2004. 560 с.
14. Лозинская, Е. В. *Литература как мышление: Когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков: аналитический обзор*. М., 2007. 160 с.